

Франция после Брексита: *la Renaissance française* или потеря геополитического влияния?

И. В. Иванников, И. В. Чернов

Санкт-Петербургский государственный университет,
Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9

Для цитирования: *Иванников И., Чернов И.* Франция после Брексита: *la Renaissance française* или потеря геополитического влияния? // Вестник Санкт-Петербургского университета. Международные отношения. 2022. Т. 15. Вып. 1. С. 15–30. <https://doi.org/10.21638/spbu06.2022.102>

Брексит стал катализатором для серьезных политических изменений в современном мире. В данной статье анализируются последствия, которые выход Великобритании из Европейского Союза оказал на внешнеполитическое положение Франции и ее статус «великой державы». В шахматах известен так называемый Английский гамбит, при котором игрок жертвует свою фигуру для того, чтобы получить стратегическое преимущество в игре. Сумеет ли Франция успешно разыграть свой Английский гамбит после выхода Великобритании? В современном мире понятие великой державы прежде всего предполагает способность той или иной страны оказывать влияние на принятие важнейших глобальных решений. Уже долгое время Франция не может действовать на международной арене в одиночку и в достижении своих целей опирается на свое влияние в ЕС. Поэтому, очевидно, что выход Великобритании из процесса формирования европейского полюса мировой политики стал серьезным ударом как по всему ЕС, так и по Франции в частности. Разумеется, в анализе международных отношений «после чего-либо» далеко не всегда означает «вследствие чего-либо», но в 2020–2021 гг. можно отметить значительное количество фактов, свидетельствующих о негативном влиянии Брексита на роль Франции в Европе и мире в целом. Цель данного исследования — определить влияние выхода Великобритании из ЕС на политическую роль Франции в Европейском Союзе и в целом на глобальное значение Франции как великой державы. Авторы использовали метод сравнительного анализа, структурно-функциональный метод и т. д. Эмпирическую основу исследования составили материалы СМИ, заявления и речи современных политических деятелей, документы внешнеполитических институтов Франции и ЕС.

Ключевые слова: Франция, внешняя политика, великая держава, Брексит, Европейский союз.

Введение

1 февраля 2020 г. выход Великобритании из Европейского Союза стал свершившимся фактом. Произошло событие, которое многим представлялось апокалиптическим для единой Европы, однако ни политической, ни экономической катастрофы не последовало. Тем не менее Брексит стал катализатором серьезных изменений в современном мире, и исследователям теперь интересны последствия, которые он вызвал. В шахматах известен так называемый Английский гамбит, при котором игрок жертвует свою фигуру для того, чтобы получить стратегическое преимущество в игре. Сумеет ли Франция разыграть свой Английский гамбит после выхода Великобритании? Исследовательская цель данной статьи — выявить

© Санкт-Петербургский государственный университет, 2022

влияние выхода Великобритании из ЕС на политическую роль Франции в единой Европе и — шире — на геополитическое положение Франции как великой державы в современном мире.

Несмотря на то что с момента выхода Великобритании из ЕС прошло менее двух лет, про Брексит и его последствия для международных отношений уже написано много научной литературы. Достаточно упомянуть работы таких исследователей, как С. Хобольт [1], Н. Ансорг, Т. Хаструп [2], Дж. Эванс, А. Мэнон [3], Л. Фридман [4], К. К. Худолей, Н. В. Еремина [5], Н. Ю. Кавешников [6] и т. д. Однако вопрос о том, какие последствия Брексит оказал на внешнюю политику Франции, пока исследован очень мало. Если на французском языке уже можно найти работы на эту тему (например, статья о геополитике Франции после Брексита бывшего министра иностранных дел Ю. Ведрин [7]), то на английском и русском языках их практически нет [8]. Данная статья призвана хотя бы отчасти заполнить пробел в изучении этого актуального вопроса.

Франция всегда претендовала на особое место в мире и часто на протяжении своей истории стремилась к гегемонии в Европе. После Второй мировой войны потеря колоний и начавшийся процесс европейской интеграции коренным образом изменили традиционное французское представление о Франции как великой державе, но не упразднили представление об особой миссии Франции в мире. Отсюда вытекало и противодействие президента Шарля де Голля вступлению Великобритании в ЕЭС. С точки зрения де Голля, «Великобритания представляла угрозу для Франции, поскольку была способна конкурировать с ней за лидерство в европейском интеграционном процессе. Кроме того, президент опасался, что трансатлантические приоритеты Великобритании негативно повлияют на отношения Европы с США... В своем стремлении продвигать Францию как движущую силу в европейском сотрудничестве он наложил вето на членство Британии в 1967 г. и оставил ее вне зоны сотрудничества. Данное решение явилось результатом борьбы президента с англо-саксонским миром, куда он включал США и Великобританию. По его мнению, Великобритании не было места в ЕЭС, поскольку через нее США получали доступ к участию в европейской политике» [9, с. 86]. В современном мире изменилась лишь тактика, а не общая стратегическая цель французской внешней политики. Современная Франция с большим или меньшим успехом стремится к продолжению внешнеполитического курса де Голля, модифицируя и приспособляя его к новой политической и экономической реальности. Ибо очевидно, что само понятие «великая держава» в первой четверти XXI в. в условиях глобализации и усиливающейся практики мультилатерализма выглядит неполиткорректным анахронизмом и претерпевает серьезные изменения. В современном мире статус великой державы предполагает не единоличное военное, экономическое или политическое доминирование, но скорее возможность в значительной степени оказывать влияние на принятие международных (или даже глобальных) политических решений. Очевидно, что современная Франция ни по своему экономическому, ни по военному потенциалу не может претендовать на единоличное лидерство в мире. Поэтому со времен В. Жискара д'Эстена, Ф. Миттерана и Ж. Ширака Франция пытается усилить внешнеполитическое влияние Европейского союза с одновременным усилением своего собственного влияния внутри ЕС. Тем самым французская нация продолжает оказывать значительное влияние на мировую политику. Поэтому

именно «европейский проект» (а не африканская политика или же Франкофония) все более становится для Франции тем трамплином, с помощью которого она может реализовать свою «великодержавную» внешнеполитическую стратегию. Не случайно поэтому, что Эмманюэль Макрон рассматривается как самый «проевропейский» президент Франции за всю ее историю.

Таким образом, главной задачей нашего исследования, служащими для достижения поставленной цели, является поиск ответов на вопросы «увеличилось ли влияние Франции в ЕС после выхода Великобритании?», «возможно ли после Брексита усиление значимости французского языка в европейских институтах и в Европе в целом?», «какое влияние Brexit оказал на трансатлантическое сотрудничество?» и «повлиял ли Brexit на внешнеполитическое влияние Франции в других регионах планеты?». Конечно, достаточно интересен и практический вопрос о том, насколько гипотетическое усиление влияния Франции в ЕС отвечает интересам России, но это уже особая тема, заслуживающая отдельного изучения.

Авторы в основном использовали традиционные методы научного исследования (метод рассмотрения любого процесса в его историческом развитии, сравнительный анализ, структурно-функциональный метод и т. д.). Представляется, что применение в данном исследовании каких-либо количественных методов, на основе которых возможно было бы построение неких математических схем и графиков, иллюстрирующих изменение влияния Франции в мире после Брексита, является несколько преждевременным. На данном этапе изучения возможно лишь выявление неких предварительных тенденций этого процесса на основе фактической информации, доступной в СМИ, и с помощью анализа внешнеполитических заявлений, речей современных политических деятелей и документов внешнеполитических институтов Франции и ЕС. Кроме того, при рассмотрении вопроса о роли французского языка в Европейском союзе авторами используется лингвокоммуникативный подход, обращающий особое внимание на роль языка (языкового коллектива) в международных отношениях [10].

Франция как великая держава: исторические и теоретические аспекты

С момента появления суверенной Франции на политической карте она всегда заявляла свои претензии на «особое положение» и даже на руководящую роль в Европе, а порой и в мире. Таким образом, можно констатировать, что «великодержавность» является извечным «родовым» атрибутом французской государственности. Но хотя в течение многих веков Франция не выпадала из обоймы ведущих европейских государств, сами представления об этом величии с течением времени серьезно изменялись. В постбиполярном мире не принято употреблять термин «великая держава», но тем не менее Франция и сейчас заявляет о себе как о стране с особой ролью и ответственностью в мировой политике. Какие же критерии «великодержавности» предлагаются в современной науке о международных отношениях? Вестфальская система заложила основу современных международных отношений как баланса соперничества и сотрудничества суверенных государств. Вокруг государств, наиболее значимых в военном и экономическом отношении, создавалась сложная структура политических союзов. Эти «великие державы» вы-

ступали как основа системы международных отношений, и в результате их борьбы друг с другом складывался международный баланс сил. После исчезновения bipolarной системы международная реальность изменилась, но феномен «великих держав» не исчез. Об особенностях новой «великодержавности» писали многие иностранные (З. Бжезинский [11], Дж. Най [12], А. Бэттлер [13], И. Валлерстайн [14]) и отечественные исследователи (А. Д. Богатуров [15], М. М. Лебедева, К. С. Гаджиев [16], Н. А. Комлева [17], Д. М. Темников [18], А. И. Уткин [19] и др.). Так, например, И. И. Лукашук указывает, что, хотя «все государства являются равно суверенными, обладают одинаковыми суверенными правами и соответствующей договорной правоспособностью... однако реальные возможности государств существенно различны, что сказывается и на их договорных отношениях. Особое значение имеет участие в договорах великих держав. Они обладают таким могуществом, что без их участия не могут решаться мировые проблемы. Исключительно велика их роль в обеспечении мира и безопасности» [20, с. 141].

Профессор МГИМО Т. А. Шаклеина, отмечая, что суверенные государства остаются главными акторами международных отношений в постбиполярный период, одновременно подчеркивает, что «далеко не все нарождающиеся центры силы готовы взять на себя функции великой державы. Последнее подразумевает в первую очередь готовность осуществлять мирорегулирование, участвовать в решении глобальных проблем» [21, с. 38]. Как пишет Шаклеина, «категория «великой державы» возвращена в политологический лексикон после ее игнорирования большинством американских, западноевропейских и российских специалистов по международным отношениям (особенно либеральными теоретиками), а также демонстративного отторжения многими новыми малыми странами, в основном образовавшимися после распада СССР и структур социалистического блока» [21, с. 30]. Но, как правило, «авторы избегают давать четкие определения «современной великой державы». Многие в этом смысле используют термин «ведущая мировая держава», опираясь на два показателя: экономический потенциал соответствующей страны (роль в мировой экономике) и способность оказывать преобразующее влияние на мировое развитие в разных сферах» [21, с. 30]. С точки зрения самой Т. А. Шаклеиной, «великой державой» является государство, «(1) сохраняющее очень высокую (или абсолютную) степень самостоятельности в проведении внутренней и внешней политики; (2) не только обеспечивающее национальные интересы, но и оказывающее существенное (вплоть до решающего) влияние на мировую и региональную политику и политику отдельных стран (мирорегулирующая деятельность); (3) обладающее всеми или значительной частью традиционных параметров «великой державы» (территория, население, природные ресурсы, военный потенциал, экономический потенциал, интеллектуальный и культурный потенциал, научно-технический, иногда отдельно выделяется информационный потенциал» [21, с. 30]. Причем «самостоятельность в проведении внешней политики мирорегулирующего характера предполагает наличие у соответствующей страны воли к проведению такой политики. Помимо указанных выше параметров, необходим исторический опыт, традиция и культура участия в мировой политике в качестве решающего и/или активного игрока» [21, с. 30].

Если мы применим предложенные Т. А. Шаклеиной [21] критерии «великодержавности» к современной Франции (см. таблицу), то увидим, что, несмотря на

полное или частичное соответствие некоторым критериям, Франция имеет явное отставание от стран-лидеров в других областях (природные ресурсы, демография). Достаточно спорен и потенциал этой страны в разработке и применении передовых технологий и в научных исследованиях.

Таблица. Соответствие Франции параметрам великой державы

Параметры великой державы	Франция
Территория	+ (присутствие в разных регионах мира)
Природные ресурсы	-
Демография	-
Военный потенциал	+ (наличие ядерного оружия)
Экономика	+ (входит в десятку ведущих экономик мира)
Передовые технологии	?
Наука и исследования	?
Образование	+
Культура	+
Традиция и культура думать и действовать глобально	+

Источник: составлено авторами в соответствии с [21].

Все эти критерии имеют свое значение. Но в современном глобализирующемся и тесно связанном мире никакое государство не может принимать глобальные решения в одиночку, и потому степень «величия» страны прежде всего определяется тем влиянием, которое она оказывает на принятие международных политических или экономических решений. Если ни одно глобальное решение не может быть принято без согласия данного государства, то такое государство без сомнения является великой державой в современном мире. Как отмечал В. Ю. Сурков, суверенитет выступает «как политический синоним конкурентоспособности» [22], а великой державой является, следовательно, наиболее конкурентоспособная держава.

По словам Суркова, «Россия, без сомнения, должна оставаться в числе держав, которые принимают решения по вопросам организации мирового порядка... Если Россия уйдет из глобальной политики, перестанет влиять на мировые решения, то скорее всего эти решения будут приниматься ей в ущерб» [22]. Разумеется, это же касается и Франции. По мнению многих ученых, для определения потенциала участников «концерта великих держав» XXI в. решающее значение имеют четыре критерия: «Прежде всего, актер должен либо уже занимать одно из лидирующих положений в мире, либо быть в состоянии достичь необходимой экономической, военной и/или политической власти для того, чтобы внести свой вклад в обеспечение международного порядка. Во-вторых, даже актер, обладающий высоким потенциалом силы, не сможет ее применить, если ему не хватает готовности сделать это, и, во многих случаях, готовность может зависеть от общественной поддерж-

ки... Четко озвученное, или, по крайней мере, однозначно заметное, «стремление быть значимым», то есть желание оказывать влияние на международную систему и быть (стать) игроком глобального масштаба, таким образом, представляет собой второй критерий участия в многостороннем взаимодействии великих держав. В-третьих, страна, претендующая на участие в «концерте», должна обладать определенным уровнем влияния на глобальном уровне, или, по крайней мере, в своем регионе. И, в-четвертых, остальные участники международных отношений также должны признавать необходимость учитывать интересы данного актора для поддержания стабильности мирового порядка... Такой статус, скорее всего, является результатом экономической, военной и политической мощи государства, а также его готовности работать для общего блага» [23, с. 32–33].

Франция так или иначе соответствует всем четырем приведенным критериям. Однако у нее традиционно был еще один козырь. Ведь помимо всего прочего не стоит недооценивать так называемую мягкую силу великих держав, т. е. прежде всего их культурное и языковое влияние в мире. Когда-то по данному показателю позиции Франции на мировой арене выглядели достаточно солидно, но в течение XX в. французский язык в Европе неуклонно терял свои позиции. Сможет ли Брексит изменить данную тенденцию?

Мягкая сила Франции: французский язык после Брексита

Начиная с правления первых Меровингов Франция на протяжении всей своей истории претендовала на лидерство в континентальной Европе, опираясь не только на свои военные, экономические, демографические, но и на культурные ресурсы. Не случайно французский язык на долгое время стал языком высшего общества и дипломатии всего Старого Света. Тем не менее мы видим некий парадокс. После того как Великобритания вышла из состава Единой Европы, роль английского языка в ее институтах не снижается. Возможно ли на фоне Брексита повернуть вспять этот процесс и вернуть французскому языку лидирующие позиции на континенте?

Разумеется, кроме французского, в Европе говорят на множестве языков, а 24 из них являются официальными в ЕС. Но статус рабочих языков в институтах ЕС официально имеют всего лишь три языка: английский, французский и немецкий. Немецкий, причем, давно добровольно выбыл из гонки за лидерство, а французский неуклонно отстает по всем направлениям. Использование французского языка на любом рабочем заседании брюссельских функционеров является в настоящее время весьма редким исключением. И это несмотря на то, что после выхода Великобритании английский в качестве официального используют всего два не самых крупных государства (Ирландия и Мальта) из оставшихся 27 стран Союза. Причем, кроме английского, в этих странах существуют и местные языки, также имеющие официальный статус.

На этом фоне многие франкоговорящие лидеры считают, что современное лингвистическое положение в институтах ЕС можно изменить, и Брексит рассматривается ими как шанс для усиления роли французского языка в Европе. Уже 20 марта 2018 г. в своем выступлении во Французском институте, посвященном международному дню франкофонии, президент Франции Э. Макрон говорил в том числе и о «стратегии» продвижения французского языка на европейском континенте.

ненте. Причем, по словам Макрона, современная франкофония — это не некое неопределенное пространство на периферии Франции, но это сам французский язык, который стал «центром всех наций и всех народов», к нему прикоснувшихся, и который является «носителем универсальных ценностей» [24]. По словам Макрона, «франкофония — это человеческий континент, который в качестве конституции имеет общую грамматику, синтаксис — это его статьи законов, а словарь — гражданское право» [24]. Причем на этом «языковом архипелаге» присутствуют не только бывшие французские колонии, но живут и многие европейские народы. По словам Макрона, «мы восхищаемся борьбой жителей Квебека, бельгийцев, швейцарцев, люксембуржцев за сохранение роли французского языка», и тем парадоксальнее, что «английский язык никогда не был настолько силен в Брюсселе, как в то время, когда мы говорим о Брексите» [24]. Впрочем, подобного рода взгляды не являются во Франции чем-то необычным. Так, например, почти что за год до выступления французского президента во Французском Институте Комиссия по культуре, образованию и коммуникации французского Сената (сенаторы Л. Дювернуа и К. Лапаж) подготовила «информационный доклад» о будущем франкофонии в Европе в свете Брексита, направленный на то, чтобы «обеспечить место французского и других языков внутри европейских институтов» [25] после выхода Великобритании.

Разумеется, позицию Франции целиком поддержало руководство Международной организации Франкофонии (кстати, базирующееся в Париже). В декабре 2020 г. с программным заявлением по этой теме выступила генеральный секретарь МОФ Луиз Мушикивабо (бывший министр иностранных дел Руанды). Она, в частности, заявила: «Должен ли Европейский союз продолжать большей частью говорить по-английски после того, как его покинуло Соединенное Королевство? Мы знаем, что более 90 % документов Европейского совета и Еврокомиссии пишутся на английском; устное общение внутри европейских институтов также происходит на этом языке. Но после выхода Великобритании из ЕС, английский язык занимает лишь 17-е место по количеству носителей среди всех языков, распространенных на территории стран Европейского союза. Более того, после Брексита английский больше не фигурирует среди официальных языков ЕС, заявленных государствами-членами» [26]. И хотя, по мнению Л. Мушикивабо, «невозможно и даже нежелательно, чтобы английский язык исчез из европейского общества», необходимо найти «новое равновесие, которое предоставит заслуженное место французскому языку — языку, на котором говорит 130 миллионов европейцев и в котором видят себя 19 из 27 стран ЕС, принадлежащие к Международной организации Франкофонии» [26]. В качестве первой конкретной меры генеральный секретарь МОФ призвала чиновников и политиков европейских стран, которые входят в организацию, говорить по-французски на всех встречах общеевропейского уровня [26].

Является ли попытка усиления французского языка в институтах ЕС инструментом возвращения былого французского величия или же это способ защиты мультилингвизма и сопротивления глобализации? Во многом, конечно, это зависит от того, кто конкретно говорит о роли французского в Европе. Так, к примеру, с точки зрения современных французских коммунистов, распространение английского языка является «политическим, идеологическим и демографическим вызовом» и объясняется вовсе не «практическим удобством» [21], английский язык «является проводником доминирующего капиталистического мировоззрения —

в первую очередь американского империализма, который таким образом пытается навязать свое культурное и политическое доминирование вассализованным народам» [27]. Впрочем, по мнению англоязычных авторов, те же самые упреки можно было бы сделать и французскому языку.

Например, известный американский исследователь в области международных отношений Дж. Розенау писал о том, что, «хотя динамика к фрагментации рассматривается как вызов, если не как подрыв авторитета государства во многих областях, интересный поворот в этом процессе случился во Франции. В вопросе о возрождении региональных языков французское правительство рассчитывает сохранить национальное единство и легитимность, оказывая поддержку лингвистическому многообразию. В действительности это является использованием политики фрагментации для того, чтобы затормозить динамику глобализации» [28]. И далее Розенау цитирует других американских авторов: «В течение более чем четырех столетий власти Парижа притесняли провинциальные языки... и пытались навязать стандартизированный французский всей нации. Причем немногие западноевропейские страны имеют такое лингвистическое разнообразие, как Франция: восемь различных языков и более десятка диалектов. В то же время немногие государства так систематически притесняли региональную речь во имя национального единства. Но в то время, как английский, галопируя по Континенту, объединяет Европу, сметая прочь межгосударственные границы, французское правительство пришло к заключению, что региональные языки обогащают национальное наследие в большей степени, чем представляют угрозу государственной идентичности» [28]. И действительно, Франция начала и на мировой арене выступать в качестве знаменосца идеи мультилингвизма только тогда, когда региональные языки на территории страны фактически были уничтожены. Видимо, и сейчас многие выступления франкоговорящих лидеров, направленные против доминирования английского и на подчеркивание новой роли французского языка как защитника идеи мультилингвизма в Европе после Брексита, во многом вызваны политическими расчетами на получение неких тактических преимуществ в продвижении французских внешнеполитических интересов.

Но английский язык не просто является языком одного из государств — членов ЕС. В современном мире английский — это язык глобализации, космополитический язык политических и экономических элит всего Запада, и выход Великобритании из ЕС вряд ли что-то изменит в его глобальном статусе. Мы можем надеяться на усиление позиций французского языка в Европе в сфере образования, культуры, искусства. Но английский язык как рабочий инструмент международного общения в современном мире, несмотря на все усилия Франции, своего места французскому языку не уступит.

Роль Франции в Европе после Брексита

На данном этапе (особенно в условиях пандемии COVID-19) сложно судить о том, насколько Брексит повлиял на экономику Франции и Евросоюза в целом. Однако уже сейчас (по крайней мере по трем направлениям) можно выделить некоторые политические последствия Брексита для Франции. Это прежде всего очевидное ослабление политической роли ЕС в целом, затем — возможное усиление

роли Германии внутри ЕС и, наконец, обострение противостояния Франции с консервативными странами Восточной Европы.

Президент Франции Э.Макрон рассматривал выход Великобритании из ЕС как величайшую историческую ошибку, чреватую серьезными последствиями для всей Европы. Представления де Голля о «Европе наций», в которой не было место «троянскому коню США», остались в далеком прошлом. Сам Макрон неоднократно заявлял о себе как об убежденном стороннике федеративной Европы, призванной стать новым центром силы в мировой политике, способным на равных противостоять США, Китаю и России. С точки зрения Макрона (и значительной части политической и экономической элиты страны) в современном мире Франция может вернуть свое утраченное величие только на путях европейской интеграции: усиливая одновременно свою роль внутри Европейского Союза и позиции Европейского Союза как актора международных отношений. Причем стать реальным центром силы в принятии важнейших международных решений ЕС сможет только при условии дальнейшей интеграции. Еще в июне 2015 г. Эмманюэль Макрон вместе с германским министром Зигмаром Габриэлем опубликовал статью, в которой говорилось о необходимости структурных реформ в экономике ЕС (например, проведения либерализации рынка труда), институциональных реформ (усиления управления наднациональных органов) и о приведении к общему знаменателю налоговой и социальной систем во всех европейских странах. Макрон также выступал за создание нового поста в структуре Европейской Комиссии — комиссара, ответственного за еврозону (т.е. за страны ЕС, принявшие евро в качестве своей денежной единицы), а также за создание в рамках еврозоны отдельного парламента и бюджета. Во время миграционного кризиса Макрон выступил за создание Единого Европейского агентства по приему беженцев. Но интересно, что несмотря на весь свой экономический либерализм и стремление к глобализации, Макрон выступал за проведение мониторинга иностранных инвестиций в ключевые стратегические секторы экономики стран ЕС для того, чтобы защитить суверенитет Европы и ее технологическое лидерство. Одновременно, с точки зрения Макрона, необходимо ускорить процесс европейской интеграции за счет усиления интеграции друг с другом тех стран, которые уже готовы двигаться дальше по этому пути (например, страны зоны евро или ведущий тандем Франция — Германия). Однако в условиях многолетнего процесса выхода Великобритании из ЕС общеевропейская интеграция фактически остановилась, а Брюссель и Франция были вынуждены заниматься совсем другими проблемами. Причем даже после 1 февраля 2020 г. трения Франции с Великобританией не только не ослабли, но скорее усилились (проблемы рыбной ловли в районе Нормандских островов, охраны Ла-Манша от пересечения его незаконными мигрантами и т.д.). Таким образом, нет никаких сомнений, что Брексит стал по крайней мере тактическим отступлением на пути европейской интеграции и втянул Францию в новое франко-британское противостояние фактически во всех областях. Произошло и объективное стратегическое ослабление ЕС как потенциального «центра силы» — единая Европа потеряла важнейший и в экономическом, и в военном отношении регион. Таким образом, можно констатировать объективное ослабление позиций ЕС на международной арене после выхода из него Великобритании. Разумеется, это касается и Франции, которая опирается на ЕС в «поддержании своего мирового величия».

Второй важный «европейский» вопрос связан для Франции с так называемой германской проблемой в Европейском союзе. Ибо вовсе не очевидно, что именно Франция сумеет заполнить «пустоту» внутри ЕС после выхода Великобритании и усилит свое влияние на принятие решений внутри ЕС. Более вероятным представляется иной вариант, при котором после Брексита в ЕС еще более возрастет роль Германии (для которой больше нет противовеса в лице Великобритании) и произойдет «расширение зоны ответственности Германии» во всех сферах жизни Единой Европы. Хотя в Германии обычно избегают говорить об особом месте страны в Евросоюзе и тем более о «немецкой Европе», но уже в 2016 г. председатель комиссии Бундестага по иностранным делам Норберт Рёттген упоминал необходимость для Германии «исполнения руководящей роли» в ЕС [29]. По словам бывшего министра финансов ФРГ Вольфганга Шойбле, «Германия не намерена никого учить тому, что нужно делать — она просто заставляет исполнять правила ЕС». Но сами эти «правила ЕС» во-многом формируются именно под давлением Германии, опирающейся на свою экономическую мощь.

Третьим важным вопросом европейского строительства для Франции после Брексита является все более углубляющееся противостояние Запада и Востока Единой Европы. Причем Брексит снял табу на разговоры о выходе из ЕС, ведь оказалось, что можно существовать и вне Европейского союза. Франция исторически представляла себя как «идеологического руководителя» и «ментора» новичков ЕС. Поэтому страны Евросоюза, которые пытались отстаивать и сохранять свои национальные интересы, всегда вызывали негодование Макрона и рассматривались им как ретроградные, ультраправые и тормозящие европейский прогресс. Это прежде всего касается ряда стран Центральной и Восточной Европы, во главе которых находятся консервативные правительства (прежде всего Венгрия и Польша). Еще в августе 2017 г. Макрон заявил, что польский народ заслуживает большего, чем иметь консервативное правительство Беаты Шидло, что вызвало естественное негодование Варшавы. Особый гнев Эмманюэля Макрона вызывает премьер-министр Венгрии Виктор Орбан, выступающий против незаконной иммиграции в Европу из стран Азии и Африки и всевластия европейской бюрократии. Это, похоже, стало глубоким идеологическим конфликтом между двумя европейскими лидерами, предлагающими кардинально разные проекты развития единой Европы. Можно предположить, что после Брексита проблемы Франции со странами Восточной Европой только усилятся. Не случайно уже появились термины *Polexit* (в Польше) и *Nuhit* (в Венгрии). Более того, на этом фоне можно отметить, что и во французском внутривластном дискурсе (как справа, так и слева от Макрона) перед президентскими выборами 2022 г. вновь появилась тема необходимости сохранения национального суверенитета и защиты его от европейской бюрократии. Так, например, осенью 2021 г. на фоне конфликта с Польшей (объявившей о главенстве польских законов над директивами ЕС) во французской политической элите активно велись дискуссии о примате европейского права. Причем даже бывший главный переговорщик от ЕС по Брекситу Мишель Барнье (который борется за свое выдвижение единым кандидатом от правоцентристской партии «Республиканцы») предложил отказаться от единой иммиграционной политики Европейского Союза. Таким образом, выход Великобритании из ЕС может стать катализатором для дезинтеграционных процессов внутри Союза или, по крайней мере, значительно за-

медлит интеграционные процессы. Очевидно, что Брексит заставил многих французов усомниться в безальтернативности пути сохранения величия Франции через все большее углубление европейской интеграции. Ведь за призрачное «величие» приходится платить реальным суверенитетом.

Франция в мире: внешнеполитическое отступление «после Брексита» или «вследствие Брексита»?

Можно выделить три основных направления французской внешней политики вне Европы так называемая глобальная ответственность, трансатлантический альянс с США и особая роль Франции в франкоязычных государствах Африки.

Глобальная ответственность, помимо всего прочего, предполагает военное присутствие страны в различных регионах планеты, соглашения о военно-политическом сотрудничестве и обеспечении безопасности со многими государствами и поставку дружественным странам современных вооружений. Разумеется, в этой области у Франции всегда наличествовало не только сотрудничество, но и серьезная конкуренция с США, что часто отражалось на состоянии трансатлантических взаимоотношений. Уже при президенте США Дональде Трампе, стихийном политическом реалисте, пренебрежительно относящемся к идеологии «мультилатерализма», произошло серьезное охлаждение франко-американских отношений. Но и после прихода к власти в США администрации нового президента Джо Байдена (близкого Макрону идеологически) трудно говорить об улучшении франко-американских взаимоотношений. Отчасти это связано с выходом Великобритании из единой Европы и «воссоединением» ее с англо-саксонским миром. Так, например, в сентябре 2021 г. международное внимание привлек разрыв контракта по поставке французских подводных лодок в Австралию (12 подводных лодок на сумму 56 млрд долларов). Этот неожиданный шаг стал частью соглашения о создании нового военного блока трех англоязычных государств — США, Великобритании и Австралии (AUKUS). Интересно, что лидеры Великобритании и США договорились о военном союзе на Тихом океане еще в июне 2021 г. на полях саммита «Большой Семерки», но не стали сообщать об этом Франции. Официально о создании нового альянса было объявлено президентом США Джо Байденом только 15 сентября 2021 г. «На этом фоне становится понятной болезненная реакция Парижа на создание за его спиной AUKUS. США и их англоязычные союзники по новому военно-политическому блоку дали понять, что великодержавные амбиции Парижа не воспринимаются всерьез, равно как и претензии ЕС на роль если не самостоятельного, то хотя бы автономного центра силы» [30]. Министр иностранных дел Франции Жан-Ив Ле Дриан заявил об «ударе в спину» и о том, что «доверие подорвано», а французские послы были отозваны из США и Австралии. Интересно, что Франция тем не менее попыталась смягчить свой разрыв с Великобританией — французский посол не был отозван из Великобритании, а сам Ле Дриан подчеркнул, что в этом альянсе Великобритания играет всего лишь роль «пятого колеса». Разумеется, ЕС продемонстрировал свою солидарность с Францией. Глава дипломатии ЕС Жозеп Боррель на встрече глав МИД ЕС в Нью-Йорке перед заседанием Генассамблеи ООН 20 сентября заявил, что «главы МИД стран Евросоюза солидарны с Францией... Это объявление [Австралии] противоречит призывам к больше-

му сотрудничеству с ЕС в АТР». Председатель Еврокомиссии Урсула фон дер Лейен отметила «неприемлемое обращение с Францией», а президент Европейского Совета Шарль Мишель заявил о «недостатке лояльности» со стороны США и призвал к усилению «способности действовать» ЕС на международной сцене. Министр иностранных дел Бельгии Софи Вильмес отметила, что разрыв сделки — это «удар грома» на мировом уровне, и подчеркнула, что Европу должны слышать в трансатлантических отношениях. Но как бы то ни было, представляется, что после Брексита голос единой Европы в международных отношениях стал звучать тише, а соперничество Великобритании и Франции на международной арене усилилось.

Традиционно в XIX — начале XX вв. англичане активно соперничали с французами на африканском континенте. В первой четверти XXI в. можно говорить о частичном возобновлении этого традиционного соперничества. Разумеется, Брексит не является главным фактором, который решающим образом влияет на политику Франции в Африке. Однако и на этом направлении наблюдаются некоторые негативные тенденции, которые так или иначе могут быть соотнесены с выходом Великобритании из ЕС.

Эти тенденции проявляются в нескольких направлениях. Прежде всего стоит отметить очевидное обострение англо-французской конкуренции за экономическое влияние в африканских странах. После выхода из ЕС у Великобритании развязаны руки, и она ищет новых торгово-экономических партнеров. Еще в январе 2020 г. в Лондоне состоялся саммит Великобритания — Африка в области инвестиций. Причем можно наблюдать распространение английского влияния за традиционные пределы англоязычной Африки. Одновременно Великобритания продолжает работу в рамках Содружества. Интересно, что в его состав пытаются попасть некоторые неанглоязычные страны. Например, сейчас заявку на присоединение к Содружеству подал франкоязычный Габон. Франция постепенно теряет свое экономическое влияние в Африке. Также страны, входящие в зону западноафриканского франка (привязанные к Франции), готовятся к переходу к 2027 г. вместе с остальными странами Экономического Сообщества стран Западной Африки (англоязычными) на общую валюту «эко», никак не связанную с Францией. В этом новом африканском мире, «эмансипированном» от Франции, Великобритания становится все более самостоятельным игроком не только в экономической, но и в политической сфере.

Особо стоит отметить, что после Брексита Великобритания все больше дистанцируется от французских военных усилий в Сахеле. Еще в 2013 г. на фоне наступления исламистов значительный французский военный контингент был введен на территорию западноафриканского государства Мали. С 2014 г. эта военная операция получила название «Бархан», и в ее рамках на территории этой африканской страны одновременно находилось более 5000 французских военнослужащих. Однако конфликт с исламистами в Сахеле отчасти напоминает Афганистан — он требует от Франции много жертв и трат, но долгосрочная эффективность этих усилий достаточно сомнительна. Поэтому, например, США, которые активно помогали Франции (прежде всего разведанными и своими беспилотниками, базирующимися в Нигере), еще в январе 2020 г. дистанцировались от военных операций в Сахеле. Неудивительно поэтому, что Франция при Макроне вместо дорогостоящих односторонних действий в политической и военной сфере пытается использовать в этом конфликте возможности ЕС. По мысли Макрона, французский военный контингент должен

быть заменен на европейский контингент войск специального назначения — Takuba Task Force. После военного переворота в мае 2021 г. в Мали, крайне негативно воспринятом во Франции, Э. Макрон 10 июня 2021 г. заявил о завершении операции «Бархан», постепенном сокращении французского военного присутствия и передаче функций панъевропейским силам. Однако функциональность самих этих панъевропейских сил в Африке вызывает серьезные сомнения у африканцев. С этим прежде всего связаны контакты нового правительства Мали с частными военными компаниями, которые доказали свою эффективность в ЦАР. Интересно, что Великобритания изначально планировала принять участие в силах Takuba Task Force, но после Брексита британские военные в этой операции не участвуют.

Заключение

В современном мире «великодержавность» прежде всего предполагает способность той или иной страны оказывать серьезное (или же даже решающее) влияние на принятие важнейших глобальных решений. Уже долгое время Франция не может действовать на международной арене в одиночку и в достижении своих целей опирается на свое влияние в ЕС. Поэтому очевидно, что выход Великобритании из процесса формирования «европейского полюса» мировой политики стал серьезным ударом как по всему ЕС, так и по Франции в частности. Разумеется, в анализе международных отношений «после чего-либо» далеко не всегда означает «вследствие чего-либо», но мы видим слишком много фактов, свидетельствующих о негативном влиянии Брексита на роль Франции в Европе и мире, для того чтобы объяснить их случайным совпадением во времени. Более того, в этих новых геополитических реалиях (на фоне объективного усиления Германии и идеологической «эмансипации» Восточной Европы) Франция рискует ослабить свое влияние и внутри ЕС. Таким образом, Брексит — это очередной шаг к ослаблению внешнеполитического влияния Франции в Европе и мире. Розыгрыш Английского гамбита стал для Франции вынужденным решением, но этот неудачный дебют в итоге может привести к большим стратегическим потерям.

Литература

1. Hobolt, S. (2016), The Brexit vote: a divided nation, a divided continent, *Journal of European Public Policy*, vol. 23, iss. 9, p. 1259–1277.
2. Ansorg, N. and Haastrup, T. (2016), Brexit Beyond the UK's Borders: What It Means for Africa. *GIGA Focus Africa*, no. 03. URL: <https://www.giga-hamburg.de/en/publications/giga-focus/brexit-beyond-the-uk-s-borders-what-it-means-for-africa> (дата обращения: 10.04.2021).
3. Evans, G. and Menon, A. (2017), *Brexit and British Politics*, Cambridge: Polity Press.
4. Freedman, L. (2020), Britain Adrift: The United Kingdom's Search for a Post-Brexit Role, *Foreign Affairs*, May/June, p. 118–130.
5. Худoley, К. К. и Еремина, Н. В. (2017), Брекзит: новый «старый» выбор Великобритании, *Современная Европа*, № 3(75), с. 28–36.
6. Кавешников, Н. Ю. (2016), Некоторые последствия Brexit для развития ЕС. *Вестник МГИМО*, т. 6, № 51, с. 24–30.
7. Védrine, H. (2020), Géopolitique, la place de la France dans le monde, *Conflits. Revue de Géopolitique*, 17 août. URL: <https://www.revueconflits.com/geopolitique-place-de-la-france-hubert-vedrine/> (дата обращения 10.04.2021).
8. Рубинский, Ю. И. (2018), *Франция на новых рубежах*: в 3 т. Т. 3, М.: Ин-т Европы РАН.
9. Жуков, А. Д. и Шумилов, М. М. (2020), Внешнеполитическая стратегия Пятой республики: робкий поворот к Большой Евразии, *Евразийская интеграция: экономика, право, политика*, № 1, с. 84–93.

10. Чернов, И. В. (2018), Постконструктивизм или теория лингвистического реализма, *Вестник СПбГУ. Международные отношения*, т. 11, вып. 1, с. 86–104.
11. Бжезинский, З. (1998), *Великая шахматная доска. Господство Америки и его геостратегические императивы*, М.: Международные отношения.
12. Нье, J. Jr. (2011), *The Future of Power*, New York: Public Affairs.
13. Бэттлер, А. (2002), Контурсы мира в первой половине XXI века и чуть далее. *Мировая экономика и международные отношения*, № 1, с. 73–80.
14. Валлерстайн, И. (2001), *Анализ мировых систем и ситуация в современном мире*, пер. с англ. Курдюкин, П. М., общ. ред. Кагарлицкий, Б. Ю., СПб.: Университетская книга.
15. Богатуров, А. (2006), Лидерство и децентрализация в мировой системе, *Международные процессы*, № 3 (12), с. 5–15.
16. Гаджиев, К. С. (2007), К Полицентрическому миропорядку, *Полис. Политические исследования*, № 4, с. 8–23.
17. Комлева, Н. А. (2010), Геополитический статус государства: сущность и типология. *Геополитика и безопасность*, № 1(9), с. 23–28.
18. Темников, Д. М. (2007), Опыт теоретического осмысления мирового регулирования, *Полис. Политические исследования*, № 6, с. 133–145.
19. Уткин, А. И. (2000), *Мировой порядок XXI века*, М.: Эксмо.
20. Лукашук, И. И. (2004), *Современное право международных договоров*: в 2 т. Т. 1, М.: Волтерс Клувер.
21. Шаклеина, Т. А. (2011), Великие державы и региональные подсистемы. *Международные процессы*, т. 2, № 26, с. 29–39.
22. Сурков, В. Ю. (2006), Суверенитет — это политический синоним конкурентоспособности. Стенограмма выступления заместителя Руководителя Администрации Президента — помощника Президента РФ Владислава Суркова перед слушателями Центра партийной учебы и подготовки кадров ВПП «Единая Россия», 7 февраля. URL: <http://www.politnauka.org/library/public/surkov.php> (дата обращения: 12.09.2021).
23. «Концерт великих держав» XXI века — многосторонний диалог великих держав в пост-трансантлантическую эпоху (2015), изд. на русском языке под ред. А. И. Никитина, М.: МГИМО-Университет.
24. *Discours d'Emmanuel Macron à l'Institut de France sur l'ambition pour la langue française et le plurilinguisme*, mars 20, 2018. URL: <https://www.elysee.fr/emmanuel-macron/2018/03/20/discours-demmanuel-macron-a-linstitut-de-france-sur-lambition-pour-la-langue-francaise-et-le-plurilinguisme> (дата обращения: 10.04.2021).
25. *Rapport d'information de M. Louis Duvernois et Mme Claudine Lepage, fait au nom de la commission de la culture, de l'éducation et de la communication no. 436 (2016–2017)*, février 22, 2017. URL: <https://www.senat.fr/notice-rapport/2016/r16-436-notice.html> (дата обращения 10.04.2021).
26. Mushikiwabo, L. (2020), Après le Brexit, la primauté de l'anglais peut-elle perdurer alors qu'il ne figure plus parmi les langues officielles de l'Union? *Le Monde*, 6 février URL: <https://www.lemonde.fr/idees/article/2020/02/06/apres-le-brexit-la-primaute-de-l-anglais> (дата обращения 10.04.2021)
27. *Après le Brexit, mais pourquoi l'anglais reste-t-il la langue unique de l'Union Européenne?* Février 23, 2020. URL: <https://www.initiative-communiste.fr/articles/europe-capital/apres-le-brexit-mais-pourquoi-langlais-reste-t-il-la-langue-unique-de-lunion-europeenne/> (дата обращения: 08.04.2021).
28. Rosenau, J. N. (1997), *Along the Domestic-Foreign Frontier: Exploring Governance in a Turbulent World*. Cambridge University Press.
29. Bonse, E. (2017), L'Europe après le Brexit : positions et perspectives allemandes, *Notes de l'Ifri. Notes du Cerfa*, no. 135. URL: https://www.ifri.org/sites/default/files/atoms/files/ndc_135_bonse_europe_apres_brexit_fr.pdf (дата обращения: 08.04.2021).
30. Рубинский, Ю. И. и Федоров, С. М. (2021), «Кризис подводных лодок» и его возможные последствия, *Аналитические записки Института Европы РАН*, вып. 4(28), с. 5–10. <http://doi.org/10.15211/analytics429202105101>.

Статья поступила в редакцию 11 ноября 2021 г.
Статья рекомендована к печати 16 декабря 2021 г.

Контактная информация:

Иванников Игорь Владимирович — канд. ист. наук, доц.; ivannikov-1968@yandex.ru
Чернов Игорь Вячеславович — канд. ист. наук, доц.; igor_chernov@mail.ru

Post-Brexit France: French Renaissance or loss of geopolitical influence?

I. V. Ivannikov, I. V. Chernov

St Petersburg State University,
7–9, Universitetskaya nab., St Petersburg, 199034, Russian Federation

For citation: Ivannikov I. V., Chernov I. V. Post-Brexit France: French Renaissance or loss of geopolitical influence? *Vestnik of Saint Petersburg University. International Relations*, 2022, vol. 15, issue 1, pp. 15–30. <https://doi.org/10.21638/spbu06.2022.102> (In Russian)

Brexit has become a catalyst for major political change in the modern world. This article analyzes the consequences Brexit had on France's foreign policy position and its status as a "great power". In chess, the "English Gambit" is known, in which a player sacrifices his piece to gain a strategic advantage. Will France be able to play its English Gambit after the British exit from the EU? In the modern world, the concept of a "great power" primarily presupposes the ability of the country to exert a serious influence on the most important global decisions. For a long time, France has not been able to act alone in the international arena and relies on its influence in the EU to achieve its goals. Therefore, it is obvious that Britain's withdrawal from the forming the "European pole" of world politics was a serious blow both to the EU and to France. Of course, in the analysis of international relations "after something" does not always mean "as a result of something", but in 2020–2021, a significant number of facts can be noted that testify to the negative impact of Brexit on the role of France in Europe and the world in general. The purpose of this study is to determine the impact of Britain's exit from the EU on France's political role in the European Union and, in general, on France's global importance as a great power. The authors use comparative analysis, structural-functional method, etc. The empirical basis of the study was made up of media materials, statements and speeches of contemporary politicians, and documents of foreign policy institutions of France and the EU.

Keywords: France, foreign policy, great power, Brexit, European Union.

References

1. Hobolt, S. (2016), The Brexit vote: a divided nation, a divided continent, *Journal of European Public Policy*, vol. 23, iss. 9, pp. 1259–1277.
2. Ansorg, N. and Haastrup, T. (2016), Brexit Beyond the UK's Borders: What It Means for Africa, *GIGA Focus Africa*, no. 03. Available at: <https://www.giga-hamburg.de/en/publications/giga-focus/brexit-beyond-the-uk-s-borders-what-it-means-for-africa> (accessed: 10.04.2021).
3. Evans, G. and Menon, A. (2017), *Brexit and British Politics*, Cambridge: Polity Press.
4. Freedman, L. (2020), Britain Adrift: The United Kingdom's Search for a Post-Brexit Role, *Foreign Affairs*, May/June, pp. 118–130.
5. Khudoley, K. K. and Eremina, N. V. (2017), Brexit: the new "old" choice of Great Britain, *Sovremennaya Evropa*, no. 3(75), pp. 28–36. (In Russian)
6. Kaveshnikov, N. Yu. (2016), Some Consequences of Brexit for EU Development, *MGIMO Review of International Relations*, vol. 6, no. 51, pp. 24–30. (In Russian)
7. Védrine, H. (2020), Géopolitique, la place de la France dans le monde, *Conflits. Revue de Géopolitique*, August 17. Available at: <https://www.revueconflits.com/geopolitique-place-de-la-france-hubert-vedrine/> (accessed: 10.04.2021)
8. Rubinsky, Yu. I. (2018), *France on new frontiers*, in 3 vols, vol. 3, Moscow: Institute of Europe RAS. (In Russian)
9. Zhukov, A. D. and Shumilov, M. M. (2020), Foreign policy strategy of the Fifth Republic: a timid turn to Greater Eurasia, *Eurasian integration: economics, law, politics*, no. 1, pp. 84–93. (In Russian)
10. Chernov, I. V. (2018), Postconstructivism or the theory of linguistic realism, *Vestnik of Saint Petersburg University. International relations*, vol. 11, iss. 1, pp. 86–104. (In Russian)
11. Brzezinski, Z. (1998), *The Great Chessboard. American dominance and its geostrategic imperatives*, Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniia Publ. (In Russian)
12. Nye, J. Jr. (2011), *The Future of Power*, New York: Public Affairs.

13. Battler, A. (2002), The contours of the world in the first half of the 21st century and a little further, *World economy and international relations*, no. 1, pp. 73–80. (In Russian)
14. Wallerstein, I. (2001), *Analysis of world systems and the situation in the modern world*, trans. from English by Kudryukin, P.M., ed. by Kagarlitsky, B. Yu., St Petersburg: Universitetskaya kniga Publ. (In Russian)
15. Bogaturov, A. (2006), Leadership and decentralization in the world system. *Mezhdunarodnye protsessy*, no. 3(12), pp. 5–156. (In Russian)
16. Gadzhiev, K. S. (2007), Towards a Polycentric World Order. *Polis. Political Studies*, no. 4, pp. 8–23.
17. Komleva, N. A. (2010), Geopolitical status of the state: essence and typology, *Geopolitics and Security*, no. 1(9), pp. 23–28. (In Russian)
18. Temnikov, D. M. (2007), Experience of theoretical comprehension of world regulation, *Polis. Political Studies*, no. 6, pp. 133–145. (In Russian)
19. Utkin, A. I. (2000), *World order of the 21st century*, Moscow: Eksmo Publ. (In Russian)
20. Lukashuk, I. I. (2004), *Modern law of international treaties*, in 2 vols., vol. 1, Moscow: Volters Kluver Publ. (In Russian)
21. Shackleina, T. A. (2011), Great powers and regional subsystems, *Mezhdunarodnye protsessy*, no. 2(26), pp. 29–39. (In Russian)
22. Surkov, V. Yu. *Sovereignty is a political synonym for competitiveness. Transcript of the speech of the Deputy Chief of Staff of the Presidential Administration — Aide to the President of the Russian Federation Vladislav Surkov before the audience of the Center for Party Education and Training of the WFP “United Russia” on February 7, 2006*. Available at: <http://www.politnauka.org/library/public/surkov.php> (accessed: 12.09.2021). (In Russian)
23. “Concert of the Great Powers” of the 21st century — a multilateral dialogue of the great powers in the post-transatlantic era (2015), International scientific project with the participation of scientists from Russia, Germany, France, Great Britain, Switzerland, Austria, USA, India, China, ed. by Nikitin, A. I., Moscow: MGIMO University. (In Russian)
24. *Discours d’Emmanuel Macron à l’Institut de France sur l’ambition pour la langue française et le plurilinguisme*, mars 20, 2018. Available at: <https://www.elysee.fr/emmanuel-macron/2018/03/20/discours-demmanuel-macron-a-linstitut-de-france-sur-lambition-pour-la-langue-francaise-et-le-plurilinguisme> (accessed: 10.04.2021).
25. *Rapport d’information de M. Louis Duvernois et Mme Claudine Lepage, fait au nom de la commission de la culture, de l’éducation et de la communication no. 436 (2016–2017)*, février 22, 2017. Available at: <https://www.senat.fr/notice-rapport/2016/r16-436-notice.html> (accessed: 10.04.2021).
26. Mushikiwabo, L. (2020), Après le Brexit, la primauté de l’anglais peut-elle perdurer alors qu’il ne figure plus parmi les langues officielles de l’Union? *Le Monde*, 6 février. Available at: <https://www.lemonde.fr/idees/article/2020/02/06/apres-le-brexit-la-primaute-de-l-anglais> (accessed: 10.04.2021).
27. *Après le Brexit, mais pourquoi l’anglais reste-t-il la langue unique de l’Union Européenne?* 23 février, 2020. Available at: <https://www.initiative-communiste.fr/articles/europe-capital/apres-le-brexit-mais-pourquoi-langlais-reste-t-il-la-langue-unique-de-lunion-europeenne/> (accessed: 08.04.2021).
28. Rosenau, J. N. (1997), *Along the Domestic-Foreign Frontier: Exploring Governance in a Turbulent World*, Cambridge University Press.
29. Bonse, E. (2017), L’Europe après le Brexit: positions et perspectives allemandes, *Notes de l’Ifri. Notes du Cerfa*, no. 135. Available at: https://www.ifri.org/sites/default/files/atoms/files/ndc_135_bonse_europe_apres_brexit_fr.pdf (accessed: 08.04.2021).
30. Rubinsky, Yu. I. and Fedorov, S. M. (2021), “The submarine crisis” and its possible consequences, *Analytical notes of the Institute of Europe RAS*, iss. 4(28), pp. 5–10. <http://doi.org/10.15211/analyt-ics429202105101> (In Russian)

Received: November 11, 2021

Accepted: December 16, 2021

Authors’ information:

Igor V. Ivannikov — PhD in History, Associate Professor; ivannikov-1968@yandex.ru

Igor V. Chernov — PhD in History, Associate Professor; igor_chernov@mail.ru